

1

Эволюция Будды

Кто такой Будда? Этот вопрос всегда был решающим для духовного поиска буддиста. Он дает возможность определить идеал, цель жизни и духовный путь в целом. Это очень насущный вопрос, и в качестве такового он дал название этой книге. В последующих ее главах мы рассмотрим некоторые важные события жизни Будды, которые разворачивались две с половиной тысячи лет назад. Однако обычное жизнеописание не может дать ответ на вопрос «Кто такой Будда?» — по крайней мере, более или менее удовлетворительный. Кроме того, для буддистов исторические факты — не самое главное. Ученые продолжают спорить о том, можно ли считать, что те или иные детали различных традиционных жизнеописаний действительно отражают реальные события. Но для тех, кто идет по стопам Будды, факты его жизни как таковые имеют второстепенное значение, главный же их смысл в том, что они являются вехами духовного пути. История знает немало жизнеописаний Будды, как популярных, так и научных, причем некоторые из них весьма содержательны и отмечены печатью вдохновения. Но мы избрали другой подход. Наша цель — рассмотреть буддийский взгляд на то, кто такой Будда.

Поэтому мы берем каждый из важнейших этапов его жизненного пути в качестве отправной точки для рассмотрения идеала и цели буддизма, которые олицетворяет Будда и к которым мы с вами тоже можем стремиться. Однако для начала полезно получить некоторое представление о духовной среде, в которой этот человек, Сиддхартха Гаутама, стал Буддой. Ведь невозможно узнать в человеке будду, если сам не принадлежишь к буддийской среде. С буддийской точки зрения, Будда не возник из ниоткуда. Буддизм в том виде, в каком он известен нам, действительно берет начало от Будды. Но Будда не придумал и не создал *Дхарму* — учение, вокруг которого развился буддизм. Он открыл его — или, точнее, открыл заново. Место Будды — в центре или на вершине обширной структуры или системы духовных иерархий. Чтобы понять, кто он такой, необходимо также понять, где он, так сказать, находится. Если мы не сумеем составить хотя бы приблизительное представление о масштабе достижения Будды по сравнению с нашим человеческим опытом, то не стоит даже пытаться найти ответ на вопрос «Кто такой Будда?» Поэтому необходимо не только как можно полнее усвоить буддийский «порядок вещей», но и постараться понять самую высокую цель буддизма. Ведь спросить, кто такой Будда, — это всё равно что спросить, куда буддизм предлагает нас привести. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь какое-то представление не только о том, где мы находимся сейчас, но и как мы здесь оказались. Прежде чем заглянуть туда, где заканчивается человеческий поиск, наверное, следует оглянуться на его истоки — туда, где он начинается.

Можно сказать, что вначале жизнь была загадкой. По крайней мере, таковой она представлялась первобытному человеку. Люди нутром чуяли, что жизнь — штука странная, непостижимая, что это тайна, хоть и не называли ее так. В более поздние времена, которые, тем не менее, тоже относились к эпохе, не оставившей после себя никаких письменных свидетельств, люди стали сознательно и явно размышлять о жизни. Наши предки осознавали, что они — сами не представляя, как и почему, — живут в неведомом и даже враждебном мире, в окружении всевозможных вещей, которые они не в состоянии постичь или подчинить. Они видели, что утром

солнце встает, а вечером садится. Но почему солнце встает, почему садится и что с ним происходит с наступлением темноты, они просто не знали. Иногда налетали сильные бури: стужался мрак, лил дождь, гремело так, что, казалось, земля раскалывается на части, а небо озаряли зловещие вспышки света. Но что было причиной такой непогоды, никто сказать не мог. Дни могли быть длинными и теплыми или короткими и холодными, но почему, это тоже оставалось тайной. Наконец люди обнаружили, что, если ударить камнем о камень, можно извлечь огонь, и это стало очередной тайной.

Иногда люди чувствовали себя ужасно, их терзали страшные боли. Почему? Они не знали. А иногда случалось нечто еще более странное. Человек лежит на земле и не двигается — чаще всего это бывало со стариками, но не всегда, иногда это мог быть и ребенок. Его зовут, а он не отвечает. Глаза смотрят в одну точку, но никого не узнают. Подойдешь к нему поближе, поднесешь пальцы к ноздрям — не дышит. Дотронешься — холодный и твердый. Оставишь лежать, где лежит, так от него рано или поздно пойдет ужасный дух. То была самая большая тайна из всех.

Очевидно, сталкиваясь с такими тайнами, люди почти сразу давали им названия и отводили место в более широкой системе представлений, с помощью которой можно было хоть как-то понимать свою жизнь. И, наверное, такое мировоззрение — особый взгляд на мир, которого придерживалось общество в целом или какая-то его часть, — удовлетворяло людей довольно долго. Но со временем всегда появлялись какие-то несоответствия, обнаруживались какие-то стороны мира или самих людей, которые невозможно было объяснить в рамках существующей системы, которые в нее не вписывались. Тогда одни предпочитали уживаться со старой системой, кое-как ее латая, а другие отбрасывали всю структуру целиком и начинали создавать новую, исходя из совершенно другого определяющего принципа.

Сегодня ситуация изменилась: сейчас почти во всем мире людям доступен весьма обширный спектр мировоззрений — убеждений, мифов и философских взглядов, из которых они могут выбирать и черпать знания. Разумеется, это большой плюс. Как остроумно заметил Киплинг, имея в виду прошлую, националистическую эпоху: «Что могут знать об Англии

те, кто лишь Англию и знает?»¹ Вряд ли можно сказать, что вы знаете собственную культуру, если вам не с чем ее сравнивать; это справедливо и для всего остального, что вы хотите узнать: ведь, по существу, познание — это сравнение. Даже свою собственную религию можно по-настоящему понять только в сравнении с другими религиями. Разумеется, не всегда в нашем распоряжении есть информация, необходимая для такого сравнения. Пятьдесят лет назад вряд ли можно было услышать о какой-нибудь другой вере, кроме христианской, — вы даже не представляли, что существуют и другие религии. Но сегодня всё изменилось. Суждение Кипплинга кажется почти банальным, и мы обнаруживаем, что можно многое узнать о собственной вере, изучая другие системы верований. Вещи, которые в прошлом мы сочли бы само собой разумеющимися, теперь можно увидеть в истинном свете, сравнивая их с другими вещами, имеющими ту же природу. И благодаря этому мы можем их всё лучше понимать и всё больше ценить.

Но наряду с этой переменной и в тесной связи с ней мы наблюдаем разрушение единой старой культуры, которую характеризовало общепринятое цельное видение мира. Мы живем в эпоху специалистов — людей, знания которых всё растут, а предмет исследований всё мельчает. Хотя мы создаем глубоко разработанные области знания, они не образуют систему взаимосвязанных представлений. Главный раскол, конечно же, пролегает между естественными и гуманитарными науками, но трещины пронизывают и сами эти «две культуры», становясь всё шире и создавая крайне раздробленную систему знания². Эта современная проблема — узкая специализация — создает значительные трудности, когда мы пытаемся осмыслить наше знание в целом. Создается впечатление, будто у нас есть всего четыре или пять фрагментов головоломки и мы никак не можем понять, как же должна выглядеть вся картина целиком.

Таким образом, каждый, кто мало-мальски предрасположен к размышлению, ощущает такую же насущную потребность отыскать остальные части головоломки, как и наши первобытные предки. Конечно же, есть масса желающих предоставить недостающие фрагменты. Например, римско-католическая церковь — это древняя и почтенная органи-

зация, которая за два тысячелетия уже нашла все ответы. Достаточно купить последний выпуск катехизиса, чтобы обнаружить все вопросы и все ответы в четко упорядоченном виде. А если возникнут новые вопросы, энциклика * из Ватикана быстро даст на них ответы. Многие считают, что такая система вполне удовлетворительно справляется с тайнами бытия. Сходная обстановка сложилась в исламе, где тоже предлагается исчерпывающая и радикальная система представлений для понимания человеческой жизни. И марксизм в разных своих формах тоже обеспечивал, по крайней мере до недавнего времени, всеобъемлющее мировоззрение, которое объясняло всё в рамках экономической эволюции, ведущей к политической и социальной утопии.

Если же кого-то не удовлетворяют устоявшиеся системы взглядов, то они, желая осуществить свои устремления и чувствовать себя уверенными, прогрессивно настроенными людьми, могут обратиться к самым разнообразным культурам, нетрадиционным религиозным группам, или даже к психологическим и политическим движениям. При этом можно переходить из одной группы в другую и менять направление столько раз, сколько вам заблагорассудится. В Индии я знавал одну англичанку, которая утверждала, что меняла религиозные убеждения семнадцать раз. Начала она с католицизма, потом прошла веданту, церковь Сведенборга, миссию Рамакришны и многое другое. Когда я с ней познакомился, эта дама средних лет была адвентисткой седьмого дня, но подумывала сменить веру, потому что нынешняя запрещала пить чай. Помню, я зашел к ней в гости — дело было в Калимпонге, — и мы вместе чаевничали. Когда раздался стук в дверь, хозяйка побледнела. «Бог мой, это священник», — прошептала она и быстро спрятала чайник. По-моему, она перебралась в Австралию, но нашла ли она там что-нибудь более подходящее, не знаю. Ее проблемы могут вызывать смех или слезы, но, по крайней мере, она по-своему искала истину.

---

* Послание римского папы ко всем католикам по вопросам вероучения, нравственным и общественно-политическим проблемам. — *Прим. ред.*

Дело в том, что, собираемся мы искать истину или нет, полностью уклониться от философии просто невозможно. Какая-то жизненная философия есть у каждого. Вся разница в том, что одни сильны в философии, а другие — нет. Можно встретить самых разных людей, которые, не имея никакого образования, создали свою собственную внятную философскую систему, вполне последовательную и целостную. Но если эти люди разработали четкую и осмысленную версию своего собственного отношения к жизни в целом, другие имеют лишь элементарное или зачаточное представление о том, что они считают реальностью и смыслом жизни. Нравится нам это или нет, все мы начинаем путь в том же состоянии неясности и замешательства, как и наши далекие предки, и только от нас зависит, куда идти дальше.

Вот с чем это можно сравнить. Однажды вы просыпаетесь не в своей постели, а в какой-то гостинице. Вы не знаете, как вы там оказались, и не представляете, где именно находитесь, за исключением того, что это некое временное пристанище: одни люди приезжают, другие уезжают. Вам известно только то, что это место — не ваш дом, и вы не узнаете улицу, на которой эта гостиница стоит. Вы только что проснулись, пребываете в полном недоумении и замешательстве и не понимаете, что происходит. Так или примерно так мы наверняка чувствуем себя, когда приходим в этот мир. Мы — наше тело, глаза, уши, рот, нос и мысли — оказываемся в Англии или в любом другом месте, а на дворе самый конец двадцатого века. Мы не знаем, что привело нас сюда. Мы просто просыпаемся — и нате вам!

И вот, проснувшись в этой воображаемой гостинице, мы хотим знать только одно: куда двигаться дальше. Необходимо где-то достать карту местности, чтобы найти дорогу, по которой мы сюда прибыли, и определить направление, которое следует избрать, чтобы попасть в нужное место. И здесь, как вы уже, наверное, догадались, на сцену выходит буддизм. Именно когда мы рассматриваем человеческую ситуацию с такой элементарной и даже житейской точки зрения, учение Будды вступает в свои права.

При встрече с буддизмом мы, по существу, обнаруживаем всеобъемлющую систему мышления (слово «мышление» не является идеальным, но до поры до времени сойдет). Это

не значит, что разновидности буддизма, возникшие на протяжении более чем двух тысячелетий, обязательно должны во всем сходиться друг с другом. Однако слово «буддизм» используется не только в качестве обобщающего термина для целого спектра различных подходов к этому учению — по существу, оно подразумевает последовательную и полную философскую систему.

Тем не менее, при конкретной встрече с буддизмом, вступая в контакт с существующими буддийскими группами и знакомясь с настоящими буддистами, мы слишком часто обнаруживаем тот же фрагментарный подход, который характеризует всё современное знание в целом. В буддизме есть множество школ — именно школ, а не сект: тхеравада, дзэн, «чистая земля», тяньтай, гелугпа, кагьюпа, ньингмапа и другие. Но редко встретишь последователя буддийской школы, который имел бы представление об учениях любой другой школы буддизма. Я, например, довольно много общался с буддистами школы тхеравада — правда, в большинстве случаев это было очень давно, — и у меня сложилось впечатление, что им, будь они родом из Шри-Ланки, Бирмы или Таиланда, абсолютно ничего не известно о дзэне. В подавляющем большинстве случаев они о нем даже не слышали. И наоборот, можно встретить дзэнских монахов и даже учителей, не имеющих ни малейшего представления о тхераваде. По мере того как наш мир становится всё меньше, такое положение постепенно меняется, но, выбирая книгу по буддизму или слушая чей-то рассказ о нем, нужно быть осмотрительным, чтобы под видом буддизма не получить версию какой-то одной школы.

В буддизме также есть тенденция излагать учения неполно и необъективно. Какая-то совокупность теорий может быть изложена очень ясно, но без всякой связи с другими теориями, которые, возможно, рассматривают этот же вопрос под другим углом. Есть, например, учение о *дукхе*, оно утверждает, что человеческая жизнь по природе своей не может приносить счастье, никогда не может быть именно такой, какой нам хочется, и, даже получив всё, чего хотели, мы всё равно не будем счастливы. Это один из основополагающих принципов, без которого буддизм теряет смысл. Однако в отрыве от контекста Четырех благородных истин, которые

подробно описывают путь преодоления страдания, учение о дукхе покажется всего лишь описанием неприятных сторон жизни.

Возьмем другой принцип — *татхагата-гарбху*, буквально «чрево просветления», в соответствии с которым всё живое несет в себе «семя» состояния будды, состояния высшего и совершенного просветления. Если не связывать этот принцип присущего всем потенциального состояния будды с Благородным восьмеричным путем, описывающим шаги, которые необходимо предпринять, дабы обрести просветление, то может сложиться впечатление, что состояние будды, так сказать, у нас в кармане и остается всего лишь осознать этот факт. Такие учения, рассматриваемые в отрыве от правильного контекста и без связи с общей системой, могут стать причиной серьезного заблуждения.

То же касается и медитации. Несомненно, можно с большой пользой заниматься медитацией как чисто психологической практикой. Но как только мы начинаем видеть в ней нечто большее, чем чисто «мирское» упражнение, как только начинаем считать ее некой разновидностью «священной» или духовной практики, возникает необходимость хоть в какой-то степени понимать общую духовную систему или среду, в которой определяется ее практическая духовная задача. На Востоке это не так важно, поскольку там такую среду обеспечивает вся культура, всё общество, и при наличии тесного личного контакта с хорошим учителем не обязательно глубоко осваивать учение на интеллектуальном уровне. Но на Западе такой ситуации нет, и, если мы собираемся заниматься буддийской медитацией, необходимо иметь какое-то представление об общих принципах буддизма.

Буддизм — весьма обширный предмет, поэтому идею поместить его в контекст, знакомый современному западному уму, не следует воспринимать слишком буквально: это не значит найти большой ящик, в который можно поместить ящик поменьше. Скорее, это значит изложить буддийскую систему представлений в целом — как мировоззрение — с помощью понятий, достаточно знакомых всем нам, а потому не требующих подробных объяснений. Теорией, которая выполняет эту задачу наиболее полно, является принцип эволюции, берущий начало в биологии. То, что христиан-

ская вера примирилась с этим принципом только с величайшим трудом, также делает его весьма удобным инструментом для освещения некоторых наиболее характерных особенностей буддийского воззрения. Чтобы совместить принципы буддизма и современных представлений об эволюции, не потребуется ничего подобного тому *tour de force**, с которым мы встречаемся в работах католического мыслителя Тейяра де Шардена.

Сейчас мы знаем, что теорию эволюции предвидели многие мыслители, среди которых Кант, Гегель и другие, а по мнению некоторых, даже сам Аристотель. Но первым подробно проследил действие эволюции в сфере биологии Дарвин. Сегодня пытаться отрицать принцип эволюции в этой области — всё равно что утверждать, будто Земля плоская. Он является аксиомой для всех биологических наук. Эта теория проникла во множество других, самых разных наук, от политики до астрономии, так что можно с полным правом сказать: как в эпоху Елизаветы господствующими принципами были порядок и иерархия, так в современном мире господствующим принципом стала эволюция.

Конечно, чтобы взять принцип, который обычно понимается в научном или, по крайней мере, традиционном смысле, и использовать его применительно к духовной жизни, необходимо очертить строгие границы. Научное познание опирается на данные, получаемые от органов чувств, но буддизм не становится научной религией только потому, что никогда не пытался отрицать эти данные. Конечно, привлекательность буддизма для западного человека во многом объясняется тем духом непредвзятого эмпирического исследования, который Будда утвердил в качестве аксиомы духовного поиска, и такое отсутствие догматизма в некоторых важных аспектах роднит буддизм, скорее, с научным подходом классической Греции, чем с ведущими религиозными традициями современного Запада. Однако для буддийского понимания духовного поиска такой же аксиомой является признание трансцендентной реальности, которая, естественно, не является доказуемой научной гипотезой. Практикая буддизм, человек

---

* Здесь *изобретательность* (франц.). — Прим. перев.

начинает с данных собственного опыта, которые со временем всё больше подтверждают представление о духовном характере эволюции, и именно на основании этих данных принцип биологической эволюции представляется убедительным, а не наоборот. Поэтому, если считать, что человек есть некий ключ ко вселенной, то на основании собственного опыта продвижения вполне можно сделать вывод, что вселенной тоже присуще поступательное развитие.

По крайней мере в этом отношении буддизм больше склоняется к традиционному, донаучному мировоззрению. Если взглянуть на традиционную цивилизацию, то обнаружится, что всё — любая деятельность, любая крупица знания — связано с идеями метафизического характера. Заурядные вещи, заурядные события, общепринятые понятия имеют не только практическое применение. Они имеют символическое значение, указывают на нечто большее, нежели они сами, несут в себе некий смысл. Нам, привыкшим к нашей раздробленной, узко специализированной культуре, где многое решают экономические соображения, сложно оценить такой подход, но именно он лежит в основе Тантры, и именно таким было мировоззрение нашего общества вплоть до сравнительно недавнего времени. Согласно такому воззрению, всё взаимосвязано и в мире не может быть ничего заурядного, то есть не имеющего глубинного смысла. Вместо того чтобы искать научные доказательства существования духовного мира, можно сказать, перефразируя Честертона: мы больше не верим в себя, потому что больше не верим в богов. Как буддисты мы должны поставить себе цель заменить механистическую вселенную такой, которая бы имела смысл, была бы пронизана ощущением духовных ценностей.

Таким образом, буддизм рассматривает рациональное знание, полученное посредством органов чувств, в свете знания, полученного не только посредством органов чувств и разума, но посредством слияния разума и чувства в некую высшую способность — архетипическое знание, которое можно называть «видение», «прозрение» или «воображение». Вопрос не в том, чтобы объяснить буддизм с точки зрения науки, а в том, чтобы научиться понимать знание, полученное на основе чувств, с помощью знания, которое от

чувств не зависит. Иными словами, знание, полученное посредством чувств, входит в гораздо более обширную систему знания, не основанного на чувствах. С буддийской точки зрения, существует иерархия уровней бытия и сознания, иерархия ступеней духовного развития, которую отражает или предвосхищает весь процесс биологической эволюции. То есть, с буддийской точки зрения, логично рассматривать и биологическую эволюцию, и иерархии духовного развития как проявление единого закона или принципа в соответствующей отдельно взятой сфере.

Очевидно, что, исходя из принципа эволюции, жизнь — это не просто существование. Это процесс — процесс становления, и человечество не есть нечто отдельное от остальной природы, как обычно утверждают теистические религии. Само человечество также подпадает под действие этого великого процесса становления. Оно тоже проходит процесс эволюции и развития, и не только в направлении возникновения новых форм жизни и организации, но и в направлении возникновения новых, более высоких уровней бытия.

Любое явление, находящееся в процессе эволюции, можно рассматривать в двух аспектах: с точки зрения его прошлого или будущего, то есть с точки зрения того, чем оно было, и с точки зрения того, чем оно может стать. Первый из этих способов рассмотрения явлений — с точки зрения его происхождения — традиционно называется генетическим подходом; второй — с точки зрения его назначения или цели — это телеологический метод. Поэтому, если взять лучший образец рода человеческого, обладающий умом, осознанностью, моральной ответственностью, чуткостью к окружающим и к миру в целом, то можно рассмотреть его с каждой из этих двух позиций. С генетической точки зрения можно увидеть сложный процесс эволюции, описанный Дарвином, в том числе тот критический момент, в который самосознание или, точнее, мыслящее сознание, которое приблизительно соответствует сознанию, присущему человеку, возникает из простого чувственного сознания, присущего животному. С буддийской точки зрения можно охарактеризовать весь этот процесс как низшую эволюцию. Но есть еще и телеологическая точка зрения: можно взглянуть на то, каким может быть итог развития человека, который себя

осознаёт, куда приведет его процесс развития, и назвать такое развитие высшей эволюцией. До сих пор, с точки зрения эволюции, нами руководила бессознательная потребность расти и развиваться — главный двигатель происхождения видов, но, чтобы ступить на путь высшей эволюции, необходимо сознательное усилие, или так называемая духовная практика. Низшая эволюция — это сфера биологических наук, которая оставляет исследование высшей эволюции мировым религиям и в основном, конечно, буддизму.

Такая модель буддизма имеет решающее значение для понимания того, кто такой Будда и как мы соотносимся с ним. Воспользовавшись ею, мы можем определить собственное положение, которое, скорее всего, слегка не дотягивает до положения центральной фигуры — совершенного человеческого существа — и, таким образом, находится на верхнем уровне низшей эволюции. Мы также можем увидеть эволюционный процесс, который простирается перед нами, ведя к состоянию будды и далее, потому что состояние будды — это не конечная точка, а состояние, по самой своей природе безграничное. И где-то на этом пути мы можем представить еще одну чрезвычайно важную точку, в которой на смену нашему слабому, путаному и неустойчивому представлению о том, что находится за пределами нашего обычного восприятия, приходит прозрение природы реальности — Прозрение с большой буквы. Теперь мы знаем, где находимся, знаем направление, в котором нужно двигаться дальше, и у нас есть цель, к которой следует стремиться.

Прежде чем сосредоточиться на тех этапах эволюционного процесса, которые имеют отношение к нам как к отдельно взятым людям, можно повторить вышеизложенное, прибегнув к традиционной буддийской терминологии. Итак, буддизм утверждает, что природа бытия заключается в изменении, или становлении. Суть здесь не просто в том, что существует нечто подверженное изменению, — само бытие есть изменение. А конкретный характер этого изменения Будда выразил формулой, которая на санскрите носит название *пратитья-самутпада*, что обычно переводится как «взаимозависимое возникновение» или «обусловленное происхождение». Эта формула, или закон, звучит так: «Если есть это, появляется то; благодаря возникновению этого

возникает то. Если нет этого, не появляется то; благодаря прекращению этого прекращается то». Иначе говоря, если бытие есть изменение, то изменение есть обусловленность. Бытие видится как бесконечно сложная и изменчивая система физических и психических явлений, и все они возникают в зависимости от определенных условий и исчезают, когда исчезают эти условия.

Традиция не провозглашает пратитья-самутпаду неким космологическим принципом, но нет никаких причин не считать ее таковым. В *Дигха-никае* палийского канона есть очень пространная проповедь Будды под названием *Агганна-сутта*, в которой речь идет об эволюции вселенной и происхождении человечества. Но в рамках нашей нынешней задачи можно просто сказать, что высшая эволюция возникает в зависимости от низшей.

Но это не означает, что высшая эволюция — исключительно плод низшей эволюции. Пратитья-самутпада выражает срединный путь между полным отождествлением низшей и высшей эволюции и пониманием их как двух совершенно разных процессов. В этом смысле основной буддийский подход можно назвать научным: он описывает то, что происходит, не задаваясь целью толковать факты.

Однако в рамках такой всеобщей зависимости есть два вида зависимости. С одной стороны, существует «циклическая» зависимость, процесс реакции между противоположными факторами: смерть возникает в зависимости от рождения, добро — в зависимости от зла, счастье — в зависимости от страдания и наоборот. Эта особенность человеческой жизни всем нам прекрасно знакома. Как сказал Китс: «Ах, здесь, и в этом храме наслаждения, печаль имеет жертвенник — и правит...»³ Такова сансара, или круговорот бытия, каким его можно увидеть на тибетских изображениях Колеса Жизни.

С другой стороны, существует накопительное развитие благих факторов, последовательно усиливающих друг друга, и эта «спиральная» зависимость обеспечивает основу духовной жизни. Так, в зависимости от возникновения веры возникает радость, и этот процесс продолжается, проходя восходящую череду психических состояний вплоть до самого просветления. Важнейшей особенностью благого психического состояния является то, что оно не вызывает неблагоприятной

реакции, а напротив, порождает следующий благой фактор. Например, поистине щедрый поступок не сменяется мелочной обидой, даже если подарок не оценили по достоинству. Вы просто получаете радость от самого дарения. Наверное, можно было бы не уточнять, что циклический принцип управляет низшей эволюцией, тогда как спиральный тип зависимости составляет высшую эволюцию.

Столь же просто соотнести с моделью эволюции формулировку принципа пратитья-самутпады в виде четырех благородных истин, которую Будда дал в первой после своего просветления проповеди. Первая и вторая благородные истины, гласящие, что всему живому неотъемлемо присуще страдание и что, в конечном счете, страдание возникает как следствие желания, связаны с низшей эволюцией. Третья и четвертая благородные истины, гласящие, соответственно, что страдание прекращается с прекращением желания и что можно положить конец желаниям, следуя благородным восьмеричным путем, приводят нас к высшей эволюции.

Взяв на вооружение эволюционную точку зрения, можно выделить некоторые практические принципы, совершенно обязательные для духовной жизни. В рамках низшей эволюции живые существа развиваются как группа, то есть эволюция действует как коллективный процесс, тогда как высшая эволюция всегда индивидуальна, то есть один человек может превзойти остальных. Именно по этой причине осознание самого себя, внимательность, является исходной точкой, с которой начинается высшая эволюция: как будто осознанность порождает энергию, достаточную для того, чтобы за одну жизнь провести нас через весь процесс высшей эволюции. Буддийская практика связана единственно и исключительно с развитием человека, то есть с высшей эволюцией. Уяснив себе это, можно получить ясную картину всего разнобразия буддийских учений.

Будда описывает путь практики, ведущий к просветлению, но затем очень настойчиво говорит: «Вы должны пройти этот путь сами. Я сам прошел его, но не могу пройти его за вас. Никто не может спасти другого человека. Никто не может очистить другого человека. Вы должны сделать это сами». В этом смысле буддизм — религия, основанная на принципе «сделай сам». Отсюда следует, что всякий, кто

приложит усилие, сможет получить тот же результат, что и Будда. Нет горстки избранных, которым это доступно, и остальных, которым это недоступно. Если никто не сделает этого за вас, значит, приложив усилие, вы сможете добиться успеха. Для этого даже не нужно называть себя буддистом. Если вы согласны с принципами буддизма и следуете его путем, то непременно получите нужные результаты.

Именно поэтому одно из самых существенных отличий буддизма как религии — терпимость. Буддисты терпимы не просто из-за безразличия или апатии. Они терпимы потому, что каждый должен найти Истину сам. Такова природа буддийского пути. Нужно предоставить другим такую же свободу, на какую претендуешь сам, — свободу расти и духовно развиваться по собственному усмотрению. Поэтому в буддизме нет таких понятий, как война за веру или преследование за веру. Например, король Таиланда, являющийся буддийским правителем страны, основная часть населения которой (но не всё население) исповедует буддизм, среди прочих званий имеет и титул «защитник всех религий».

Таким образом, никто никого не принуждает. На пали — древнем языке, на котором первоначально была записана большая часть Дхармы, учения Будды, она называется *эхи-пассико дхамма*, то есть учение (*дхамма*) «приди (*эхи*) и увидь (*пассико*)». Это учение, которое говорит: приди и увидь сам. Не принимай ничего на веру. Верь потому, что понимаешь, переживаешь и сам убеждаешься в истинности. Не верь только потому, что так сказал Будда. Вот что говорил сам Будда: «Монахи, не принимайте то, что я говорю, только из уважения ко мне. Как золото проверяют огнем, так и вы проверяйте мои слова огнем духовного опыта».

Когда Махапраджapati Гаутами, тетя Будды, заменившая ему мать, запуталась в противоречивых версиях учения, которые даже при жизни Будды излагали его ученики, и прямо спросила: «Чему же учишь ты?», Будда ответил, что она может разобраться сама: «Если ты уверена, что учения ведут к покою, а не к жадности и ненависти; к свободе, а не к порабощению; к сокращению мирских связей, а не к их расширению; к удовлетворенности, а не к стяжательству; к уединению, а не к развлечениям и увеселениям; к энергии, а не к лени; к умению радоваться добру, а не

злу, то можешь быть уверена, что такие учения и есть моя Дхарма». ⁴

Некоторые буддисты подходят к Дхарме однобоко, чаще всего видя в ней только отрицание, искоренение всей низшей эволюции и не более того. Но из приведенного выше изречения Будды и других его высказываний ясно, что сам он усматривал в ней поступательное движение, сознательное усилие человека расти и развиваться. Нужно не только отрицать низшую эволюцию, но и предпринять решительные шаги в направлении высшей. Нужно не только отказаться от скупости, но и развивать щедрость, не только отказаться от грубости и черствости, но и развивать доброту. Есть совокупность четырех медитативных практик, которые специально предназначены для развития всего спектра благих эмоций. Эти медитации называются «четыре брахма-вихары» — обители богов *. Первая заключается в развитии *метты*, любви ко всем живым существам — желания чтобы они были счастливы, имели возможность расти и развиваться. Вторая брахма-вихара — это *каруна*, сострадание к тем, кому мешают препятствия, чей рост остановился. Третья — это *мудита*, «сорадость», возникающая при виде счастья других: похожее чувство испытываешь, выйдя в сад в начале лета и видя как все цветы тянутся к солнцу и распускаются. Четвертая — *упеक्षा*, невозмутимость или умиротворенность, что подразумевает не полную бездеятельность, а чуткое духовное равновесие.

Четыре брахма-вихары не возникают сами собой, они не являются плодами низшей эволюции. Их необходимо сознательно развивать: ведь мы уже убедились, что духовное развитие — это развитие сознания. Если низшая эволюция — это бессознательное развитие на материальном уровне, то высшая эволюция — это сознательное развитие на психическом уровне. В то же время, эволюция в целом, и низшая и высшая, являет собой непрерывный процесс. Если взять две общие научные теории эволюции, одна из которых утверждает, что это механический, случайный процесс, а другая, придерживающаяся противоположной точки зрения, считает, что эволюция невозможна без какой-либо цели или на-

---

* Другое название — «Четыре безмерных». — *Прим. ред.*

правления, то буддийский подход согласуется со второй теорией. Он является виталистическим в широком смысле этого слова, то есть признаёт, что всему живому присуще стремление к просветлению, которое проявляется в любом знаке уважения или поступке, продиктованном разумной доброжелательностью. Самое начало такого процесса эволюции сопровождается ощущением, будто ты идешь на ощупь, делаешь много неверных шагов, одним словом, действуешь наугад. Но по мере того как ты идешь дальше, то, что стоит за эволюционным процессом, что бы это ни было, обретает большую уверенность в себе и с течением времени проявляется всё яснее. А с появлением человека, который обладает осознанностью и идет по духовному пути, оно тоже полностью осознаёт себя, тем самым ускоряя весь этот процесс.

В этой области буддисту следует быть очень осмотрительным, дабы избежать ошибок. Эволюция — просто метафора, или модель, буддизма, причем модель временная. Говоря о чем-то, о некоей реальности, стоящей за эволюционным процессом, мы просто используем другую модель — пространственную. Говорить о развитии от одного этапа к другому — значит рассматривать реальность во временном аспекте. Говорить же о том, что присутствует всё время, то есть об абсолютной реальности, которая всегда здесь и сейчас, — значит использовать пространственный аспект. Таким образом, в данном контексте функция стремления к просветлению, или *бодхичитты*, — преодоление этих пространственно-временных моделей. Это не космическое жизненное начало, не жизненная сила вселенной или первопричина, а, скорее, причина освобождения, стремление выйти за пределы вселенной, или сансары.

Можно сказать, что преодоление — преодоление самого себя — и есть суть всей эволюции, начиная с амебы. И еще можно сказать, что высшим и наиболее осознанным выражением этого эволюционного принципа самопреодоления является образ *бодхисаттвы* — того, кто, в соответствии с буддизмом Махаяны, посвящает себя помощи всем живым существам в достижении просветления. Стремление бодхисаттвы к просветлению — это полная решимость постоянно преодолевать себя. А от бодхисаттвы до будды, как говорится, всего один шаг.

Именно в таком аспекте, рассматривая духовное развитие как постоянное самопреодоление, можно лучше всего оценить такой часто недопонимаемый буддийский принцип, как *анатман* — отсутствие индивидуального «я». Иногда его истолковывают в том смысле, что в действительности мы не существуем, то есть там, где мы представляем свое «я», зияет некая дыра. На самом деле смысл этого учения заключается в том, что у нас нет никакого вещественного неизменного «я», никакой души. Если же выразить это более энергично и практично, то можно сказать так: там где возможна радикальная перемена, радикальное развитие, совершенно сознательное самопреодоление, никакого неизменного «я» не может быть.

Можно смотреть на буддизм с чисто научной точки зрения — просто, как на деятельность или философскую позицию ряда людей, называющих себя буддистами. Или же можно принять глубокое и впечатляющее воззрение самого учения Будды. Исходя из этого воззрения, все мы — бранные, недолговечные существа, которые приходят в этот мир и уходят из него, почти ничего не достигнув, и в то же время воплощают всеобщую возможность просветления. Как научная теория эволюции подразумевает поступательное развитие к возникновению новых биологических организмов, происходящее на протяжении невообразимо длительных периодов времени, так и наши жизни, согласно буддийской точке зрения, имеют невообразимо длительную протяженность, только значимость их приобретает буквально космический масштаб. Ведь, по выражению ламы Говинды, из всех живых существ во вселенной, от амебы до самых возвышенных божеств, единственное существо, способное стать «средством раскрытия запредельной и непостижимой природы ума, или сознания», короче говоря, стать Буддой, — это человек.

